

✦ Политика и общество

Л.Е. ГРИНИН

АНАЛОГИ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА: АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПУТИ ЭВОЛЮЦИИ

*В статье рассматриваются альтернативные пути эволюции постпервобытных обществ. Известно немало исторических и этнографических негосударственных обществ, не уступавших раннегосударственным по размерам, социокультурной и/или политической сложности. Их можно рассматривать как **аналоги раннего государства**, поскольку они сталкивались с теми же, что и государства, проблемами и решали сравнимые по масштабам задачи. Следовательно, раннее государство являлось лишь одной из многих форм организации сложных доцивилизационных обществ, которая стала ведущей и типичной только в ходе длительного эволюционного отбора.*

В ранее опубликованной в журнале статье Н.В. Разуваева [1] справедливо подчеркнута, что одна из наиболее важных задач исторического познания заключается в объяснении причин качественного своеобразия государственно-правового развития народов мира. Разуваев считает, что предпосылки для оформления главных путей развития человеческой цивилизации вообще и государства и права в частности появились еще на заре человечества [1, 271-272] (см. прим. 1). Правда, неясно, что подразумевается под «зарей человечества», но вполне можно согласиться, что исходную точку возникновения многих фундаментальных различий в дальнейшем историческом пути обществ надо, действительно, искать в

Гринин Леонид Ефимович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Волгоградского центра социальных исследований.

достаточно древних эпохах. В то же время важно избежать своего рода ретроспективной эсхатологии, неправоммерно акцентируя внимание только на каком-то одном исходном пункте развития, полагая, что именно и только с этого момента четко наметились и начали неуклонно реализовываться важнейшие для всемирно-исторического процесса особенности.

В эволюции человечества в целом и каждого общества в частности постоянно появлялись новые точки эволюционных развилки и бифуркаций, в которых почковались новые модели и пути. Поэтому для каждого уровня сложности какой-либо эволюционной линии развития можно найти альтернативные ей эволюционные модели и варианты развития [2, 35; 3, 54]. Таким образом, исторический процесс — это не жестко запрограммированное развитие, а движение в рамках постоянного выбора альтернатив и моделей. Причем эти модели далеко не всегда находятся в оппозиции, а часто интегрируются, переходят друг в друга и активно заимствуют достижения.

В настоящей статье рассматривается одна из таких интересных и малоисследованных альтернатив социально-политической эволюции поздне- и постпервобытных обществ, которые могли развиваться не только в направлении к раннему государству, но и по пути создания сложных негосударственных форм.

В данной статье везде под ранним государством понимается особая форма политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма в то же время есть отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью; б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и перераспределять ресурсы; в) построенная (хотя бы в значительной части) не на принципе родства (см. прим. 2).

Постановка проблемы

Достаточно общепризнанно, что догосударственное общество для своего превращения в государство должно обладать определенными размерами, необходимой социокультурной сложностью и возможностью производить достаточное количество прибавочного продукта [4]. Однако бывает, что социумы существенно переходят необходимый уровень таких показателей, но не образуют государства. Также известно немало исторических и этнографических негосударственных обществ, не уступавших раннегосударственным по размерам, социокультурной и/или политической сложности [5; 6; 7]. Как же классифицировать такие общества?

В ряде наших работ мы доказывали, что их следует рассматривать как *аналоги раннего государства* [8; 9; 10]. Ведь, с одной стороны, по сравнению с бесспорно догосударственными политиями, такими, как, например, коллективы во главе с бигменами, простые вождества, небольшие племена и другими, они — не только более крупные, но и гораздо более сложные. А с другой стороны, они имели сравнимые с ранними государствами размеры и уровень сложности, а также решали сравнимые по масштабам задачи. Потому в определенном смысле их можно считать находящимися на одном уровне социокультурного и/или политического развития с раннегосударственными обществами. Несмотря на различия в механизмах регулирования социально-политической жизни, и в тех, и в других обществах реализовывались аналогичные функции (см. прим. 3). Таким образом, структурно-функционально ранние государства, отличаются от аналогов не столько уровнем развития, сколько, прежде всего, некоторыми особенностями политического устройства и «техникой» управления, а исторически — тем, что первые имели определенное, удачное для образования именно государства сочетание особых условий, а вторые — не имели их [10; 8]. Ниже приводятся примеры таких аналогов.

Аналоги раннего государства: размеры и некоторые характеристики

Прежде всего, нужно сказать о размерах аналогов раннего государства. Этот вопрос очень важен, поскольку есть прямая зависимость: чем больше население политии, тем выше (при прочих равных условиях) сложность устройства общества в связи с тем, что новые объемы населения и территории могут требовать новых уровней иерархии и управления, равно как и наоборот [11; 12; 13]. И раз аналоги сравниваются с ранним государством, необходимо понять, какие размеры считаются минимально необходимыми для ранних государств. Однако по данному вопросу единого мнения нет. Мало того, здесь гораздо меньше согласия, чем можно было бы этого ожидать [12, 97-99].

Иногда выстраивают такую шкалу: простое вождество — население тысячи человек; сложное вождество — десятки тысяч человек; государство — сотни тысяч и миллионы человек. При этом получается внешне стройная и безупречная линия уровней культурной эволюции: семья (семейная группа), локальная группа, коллективы во главе с бигменами, вождество, сложное вождество, архаическое государство, национальное государство [14: 245-246, 304; 15, 45].

Для построения схемы эволюции развития человечества в целом такая линия может быть принята (и то с оговорками). Но для исследования политогенеза и раннего государства в частности она не годится. Ведь

в ней полностью проигнорированы государства размерами от нескольких тысяч до 100 тысяч, которые есть даже и сегодня, и которых в древности и Средневековье было гораздо больше.

В то же время высказывается также мнение, если и не бесспорное, то заслуживающее внимания, что первые государства (имеются в виду первичные, по определению М. Фрида, государства) всегда и всюду бывают мелкими, охватывая одну территориальную общину или несколько связанных между собой общин [16, 34; 17, 130-136]. Также представляется оправданной точка зрения Х.М. Классена, который считает, что в отдельных случаях государство может возникнуть уже в политике с населением от пяти тысяч человек и выше [18, 107]. Но это, конечно, самый нижний уровень для образования государства, обычно требуется большее население. Следовательно, ранние государства размером от нескольких тысяч до 100–200 тыс. человек имеют особый интерес для исследователей генезиса государства.

Приведем данные о численности жителей некоторых малых ранних государств, в частности о предполагаемом населении городов-государств Двуречья в III тыс. до н.э. Население всей округи Ура (площадью 90 кв. км.) в XXVIII–XXVII вв. до н.э. составляло предположительно 6 тыс. человек, из них 2/3 в самом Уре. Население «нома» Шуруппак в XXVII–XXVI вв. до н.э. могло составлять 15–20 тыс. Население Лагаша в XXV–XXIV вв. до н.э. приближалось к 100 тыс. человек [19: 167, 174, 203]. Можно привести и другие примеры. Размер *типичного* города-государства в Центральной Мексике накануне испанского завоевания составлял 15–30 тыс. человек [20, 84]. Население даже самых крупных городов Северной Италии (с округой они представляли города-государства), таких как Милан и Венеция, в XII–XV вв. едва ли превышало 200 тыс. человек. Население большинства других городов-государств не превышало 50–60 тыс. человек [21: 208, 252, 261; 22, 329; 23: 74, 112].

Наряду с такими небольшими государствами, конечно, были средние и крупные с населением во многие миллионы. Поэтому различия в численности населения (и соответственно сложности устройства) ранних государств можно условно отразить в следующей схеме:

- *малое* раннее государство – от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч человек;
- *среднее* раннее государство – от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч;
- *крупное* раннее государство – от нескольких сот тысяч до 2–3 миллионов;
- *очень крупное* раннее государство – свыше 3 миллионов человек.

Таблица 1. Типы ранних государств и аналогов ранних государств

Размер политики	Тип раннего государства и примеры	Тип аналогов раннего государства и примеры
От нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч человек	Малое раннее государство (Ур в XXVIII-XXVII в. до н.э.)	Аналог малого раннего государства (Исландия в XI веке)
От нескольких десятков тысяч до нескольких сотен тысяч человек	Среднее малое государство (Гавайи XIX в.)	Аналог среднего раннего государства (эдуи, арверны, гельветы в Галлии до Цезаря)
От нескольких сотен тысяч до 3 млн. человек	Крупное раннее государство (раннее государство в Польше в XI-XIV вв.)	Аналог крупного раннего государства (хунну 200 г. до н.э. - 48 г.н.э.)
Свыше 3 млн. человек	Очень крупное раннее государство (Римская республика II в. до н.э.; Империя инков)	Стабильных аналогов очень крупного раннего государства не существует

Соответственно и аналоги раннего государства надо подразделить на:

- аналоги *малого* раннего государства;
- аналоги *среднего* раннего государства;
- аналоги *крупного* раннего государства.

Должно быть очевидным, что аналоги раннего, среднего и крупного государств заметно отличаются друг от друга по сложности устройства. Соотношение размеров ранних государств и их аналогов см. в таблице 1.

Критическим для аналога раннего государства можно считать размер в несколько сот тысяч человек. Это, вероятно, уже предел, за которым такая полития или разваливается, или трансформируется в государство. Поэтому аналоги крупного государства очень редки. Из нижеприведенных примеров это только некоторые объединения кочевников, вроде хунну. Следовательно, такие аналоги соответствуют только малым из крупных государств. Аналогов же очень крупного раннего государства, мы думаем, просто не могло быть.

Аналоги раннего государства: классификация

Без сомнения, все аналоги отличаются от ранних государств особенностями политического устройства и управления. Однако в каждом типе аналогов это проявляется по-разному. Например, в самоуправляющихся общинах недостаточно прослеживается отделение власти от населения; в конфедерациях – налицо слабость централизации власти и т.п. Поэтому мы старались классифицировать аналоги по особенностям их политической формы, хотя полностью провести этот принцип достаточно трудно. Можно выделить следующие типы и подтипы аналогов.

Во-первых, некоторые самоуправляющиеся общины и территории.

1) Городские, полисные и храмовые. Примерами таких самоуправляющихся общин являются города этрусков; гражданско-храмовые общины древней Южной Аравии [24, 136-137].

2) Достаточно крупные самоуправляющиеся переселенческие территории (вроде Исландии X–XIII вв.).

В конце XI века в Исландии насчитывалось примерно 4500 сельскохозяйственных дворов, а население, вероятно, составляло где-то 20–30 тыс. человек, хотя данные тут разнятся. Оно затем сильно увеличилось и в XIII в. достигло 70–80 тыс. человек. Соответственно изменилась и социальная структура общества. В начале XI в. было принято решение о разделе крупных земельных хозяйств знати (хавдингов) между фермерами (бондами), который завершился в середине XI столетия. Таким образом, Исландия превратилась в общество фермеров-средняков. Однако через некоторое время вследствие роста населения число арендаторов («держателей») земли вновь стало увеличиваться, и, в конце концов, они начали составлять большинство населения. В результате уже в XII столетии имущественное и социальное неравенство вновь так усилилось, что стало влиять на трансформацию основных институтов исландского общества. Усилению неравенства и изменению структуры общества в обществе способствовало и введение в самом конце XI в. церковной десятины. Исландия также дает интересный пример превращения малого аналога в более крупный, а также того, как рост объема и сложности общества постепенно все же переводит развитие аналогов к государственному пути.

В XII в. необычайно ожесточились кровавые раздоры, хотя ранее военные действия не были ни столь жестокими, ни столь массовыми. В столкновениях подчас принимали участие не единицы или десятки людей, а сотни и даже тысячи. Причинами междоусобиц среди хавдингов все чаще были жажда добычи и власти. Таким образом, необходимый для становления государства элемент социально-политического насилия, прежде в Исландии почти отсутствующий, стал усиливаться, что, несомненно, способствовало движению общества именно к государственности [25: 8, 9; 26; 27, 341-348; 28].

3) Территории, на которых жили крупные группы различного рода изгоев, имеющие свои органы самоуправления и представляющие собой организованную и грозную военную силу, например, донские и запорожские казаки.

Во-вторых, это некоторые большие племенные союзы, с достаточно сильной властью верховного вождя («короля», хана и т.п.).

А) Более или менее устойчивые союзы племен, этнически однородные или имеющие крепкое моноэтническое ядро.

Примером могут служить некоторые германские племенные объединения периода Великого переселения народов (бургунды, салические франки, вестготы, остготы, вандалы и другие), которые насчитывали 80–150 тыс. населения; союзы племен некоторых галльских народов, в частности в Бельгике и Аквитании [29, 40; 30, 33; 31, 596-617; 32, 140].

Б) Очень крупные политии, возникшие в результате успешных войн, вроде гуннского союза Аттилы V в. н.э., аварского каганата хана Баяна второй половины VI в. н.э., но непрочные и этнически разнородные. Близким к такому типу был союз во главе с готским вождем Германарихом в Северном Причерноморье в IV в. н.э., который состоял из многих разноязычных, чуждых друг другу племен, в том числе кочевых и земледельческих. Даже среди самих готских племен не было достаточного единства и прочных внутренних связей, в том числе из-за своеволия аристократии. Но готы достигли более высокого уровня социальной стратификации и культуры, чем гунны и авары, и они, как считает Зиньковская, стояли «между варварством и цивилизацией» [33, 105-116; 34, 133-136; 35; 36, 84-85].

В) Промежуточным типом между аналогами, описанными в пунктах А и Б, могут служить союзы племен под руководством того или иного выдающегося лидера, состоящие из этнически близких народов, но не очень прочные, обычно распадающиеся после смерти лидера или даже при его жизни. В I в. до н.э. – II в. н.э., например, у германцев возникали крупные союзы: свевский союз Ариовиста, союз херусков Арминия, маркоманский союз Маробода, батавский союз Цивилиса и другие [31, 601-602; 37, 225-247].

К подобному типу следует отнести и различные (средних размеров) объединения кочевников под руководством одного лидера, иногда не переживающие смерти вождя, иногда имеющие короткие династии. Таким был, например, восточный (донской) союз половцев под руководством хана Кончака и его сына Юрия Кончаковича.

Г) Крупные образования, которые удерживались в единстве в основном силой авторитета вождя, а не силой принуждения.

Например, доинкское вождество Лупака (XV в.) в Перу имело население более 150 тыс. человек и им управляли два верховных вождя без института принудительной силы, а специализированный и принудительный труд имел место, по сути, на основе взаимного согласия [38, 52].

В-третьих, большие племенные союзы и конфедерации, в которых королевская власть отсутствовала.

А) Примерами таких племенных союзов без королевской власти могут служить саксы в Саксонии; эдуи, арверны, гельветы в Галлии. При-

чем необходимо особо подчеркнуть, что процессы социального и имущественного расслоения у них (особенно у галлов) зашли весьма далеко и опережали политическое развитие.

У саксов (в Саксонии) до их завоевания Карлом Великим королевская власть отсутствовала, но во главе племенных подразделений стояли герцоги. Общее военное командование осуществлял герцог, избранный по жребию. Политическая организация всей территории осуществлялась в форме своеобразной федерации отдельных областей. Общие дела решались на собрании представителей областей в Маркло на Везере. Саксы (за исключением рабов) делились на три социальных слоя: родовую знать (эделингов-нобилей), свободных (фрилингов-*liberi*) и полусвободных литов. При этом существовали резкие различия в правовом статусе между нобиями и фрилингами, что было юридически закреплено в Саксонской правде. В первых двадцати статьях этого кодекса нобили выступают единственными носителями правовых норм [39; 31, 608].

Галлия времен завоевания Юлием Цезарем была очень богатой территорией с огромным населением, по разным подсчетам, от 5 до 10 и более млн. человек с большим количеством городов, развитыми торговлей и ремеслами. В Галлии в целом насчитывалось до тысячи «подлинных городов», население некоторых из них достигало десятков тысяч человек. Размеры некоторых городов достигали 100 га и более, и они были укреплены мощными стенами.

Социальное расслоение было велико. По свидетельству Цезаря (Галльская война VI, 13), простой народ жил на положении рабов, а многие, страдая от долгов и обид, добровольно отдавались в рабство знатым. В то же время знатные галлы имели по несколько сот, а самые знатные по несколько тысяч клиентов, из которых они формировали конное войско, заменявшее всеобщее ополчение и тем самым противостоящее основной массе галлов. В аристократических без королевской власти галльских полициях имелось вполне четкое военное единство, а механизмы принятия политических и иных решений реализовывались через посредство одного или нескольких выборных магистратов — вергобретов. Однако привилегии аристократии были столь сильны, что она всячески старалась ослабить и даже свести к нулю политическую централизацию, т.к. боялась возможности появления монархии, к которой тяготел народ. Численность отдельных племенных союзов и конфедераций была очень большой. Например, число гельветов, которые под давлением свевов стремились в 58 г. до н.э. переселиться в Западную Галлию, по разным данным составляла от 250 тыс. до 400 тыс. [40, 61-62; 32; 41, 116-129; 42, 310-328; 43].

Б) Конфедерации различных по форме обществ, порой образующие весьма устойчивые и сильные с военной точки зрения политические образования. Например, конфедерации племен, вроде ирокезов, туарегов, печенегов [44, 109-156; 45, 157-174; 46; 47, 289-293]. Правда, тут уместно процитировать Хазанова, что большинство «федераций» и «конфедераций» (по крайней мере, у кочевников) создавалось отнюдь не на добровольной основе [48, 48].

В) Конфедерации городов, подобные этрусским конфедерациям. Сами этрусские города, в которых было олигархическое правление военно-служивой и жреческой знати, скорее всего не являлись государствами (насколько можно судить по скудным данным), а представляли собой аналоги малого государства. А их федерация представляла собой аналог уже среднего государства. Можно сравнить по эволюционному динамизму греческие и этрусские города. Первые смогли быстро создать военно-политический союз против Персии, а после победы над ней политическая жизнь Эллады вращалась вокруг борьбы двух крупных военно-политических объединений: Афинского морского и Пелопонесского союзов. Этрусские города имели федерацию, но она была «преимущественно религиозным союзом». И даже при римской угрозе этот союз не стал военно-политическим, что и явилось важнейшей причиной потери Этрурии независимости [49, 369-381; 50].

В известной мере аналогом среднего государства выступал и союз немецких городов — Ганза в XIII—XVI вв. Этот союз в период своего расцвета объединял около 160 городов и был способен выигрывать войны у Дании.

Д) Автономные сельские территории, представляющие собой федерацию (или конфедерацию) сельских политически независимых общин, например, у горцев (см. прим. 4). При этом низовые члены такого союза могут быть как в форме вождеств, так и безвождеских самоуправляемых общин, либо в иных формах.

Ярким примером такой конфедерации может служить Нагорный Дагестан [51]. Общины (джаммааты), входившие в федерацию (т.н. «вольное общество»), иногда и сами по себе представляли весьма крупные поселения. Некоторые общины насчитывали до 1500 и более домов, то есть были размером в небольшой полис, и имели многоуровневую (до пяти уровней) систему самоуправления. А федерация, иногда объединявшая по 13 и более сел, представляла собой политическую единицу в десятки тысяч человек, с еще более сложной организацией. Между семейными группами (тухумами) существовало социальное неравенство и различие в рангах. Другим примером служат группы деревень (*village groups*) в юго-

восточной Нигерии, объединяющие нередко десятки деревень с общим населением в десятки (до 75) тысяч человек. Каждая такая группа деревень имеет собственное название, внутреннюю организацию и центральный рынок [52, 9].

Указанные в пункте Д общества являются, по классификации Крамли, типичными гетерархиями [53, 1-15]. Она развивает в своих работах мысль о том, что помимо иерархически устроенных обществ можно говорить и о гетерархических, то есть таких, в которых решения принимаются иным способом: консенсусом, либо делегированием полномочий, либо сложными согласительными процедурами, либо организацией по определенным интересам и т.п., а структурные единицы обществ находятся между собой не в строгом подчинении, а в состоянии сотрудничества, союза и т.п., на основе учета интересов, сложившихся традиций и механизмов и т.п. «Такие гетерархические общества могут быть достаточно сложными, и их можно обнаружить по всему миру», включая азиатские общества такие, как сообщества качинов в Мьянме (Бирме) и многие африканские общества [18, 109].

В-четвертых, это очень крупные и сильные в военном отношении объединения некоторых кочевников, внешне напоминавшие большие государства, которые Н.Н. Крадин называет «кочевыми империями» и определяет как суперсложные вождества. Они, по его мнению, имели население до 1–1,5 млн. чел. Их можно считать аналогами раннего государства. К таким относится, например, «империя» хунну, образованная под властью правителя (шаньюя) Моде в конце III до н.э. [54, 79; 55, 127].

Нам также думается, что аналогом раннего государства можно считать и Скифию VI–V вв. до н.э. Это было крупное, иерархическое многоуровневое объединение с идеологией родового единства всего общества, с редистрибуцией (дань и повинности), обладающее военным единством. Скифия делилась на три царства во главе с царями, один из которых, по видимому, был верховным правителем. Имеется также мнение, что в целом Скифия управлялась обособленным царским родом, который правил по принципам улусной системы. Цари имели собственные военные дружины. У скифов выделялись сословие жрецов и аристократия. Последняя имела частные дружины воинов и большие богатства. Методы управления в Скифии, однако, оставались еще в основном традиционными, поэтому ранним государством ее считать нельзя, но и на обычное догосударственное общество она никак не походит. В конце V – первой половине IV в. до н.э. при царе Агее в Скифии происходит переход к раннему государству. Этот царь устранил других царей, узурпировал власть и объединил всю стра-

ну от Меотиды (Азовского моря) до низовьев Дуная и даже стал продвигаться на запад за Дунай [56, 196-199; 48, 37-58; 57, 220].

В-пятых, в связи с вышесказанным, становится очевидно, что многие (и уж тем более очень крупные) сложные вождества можно считать аналогами раннего государства, поскольку по размерам, населенности и сложности они не уступают малым и даже средним государствам. И, кстати, этот факт отмечается даже теми, кто, как Роберт Карнейро, считает такие вождества догосударственными обществами в стадийном смысле. По его мнению, самые развитые вождества – это политии, которые столь велики (т.к. включают в себя до ста поселений) и сложны, что заслуживают называться государством [58, 37-39; 59, 90]. Некоторые примеры таких сложных вождеств уже приводились выше. Можно упомянуть еще вождества на Гаити в конце XV–XVI вв. Гаити в это время был, вероятно, наиболее густо заселенным островом среди других Больших Антильских островов и состоял из нескольких крупных вождеств, враждующих между собой. Среди множества вождей (касинов) испанцы выделяли несколько наиболее крупных, верховных. По некоторым сообщениям, каждый из четырех главных вождей имел в подчинении от 60 до 80 и даже больше младших вождей [60, 143-151]. Но в качестве наиболее показательного примера крупных вождеств как аналогов раннего государства стоит взять гавайцев. Это особенно важно, учитывая, что к моменту контакта с европейцами социальная организация на Гавайских островах была наиболее сложной из всех полинезийских вождеств и, по мнению Т. Ёрла, возможно, даже из всех когда-либо известных вождеств [61; 14; 62; 63, 97-109; 64, 152-158; 65, 77-88; 66; 67].

Как известно, гавайцы достигли значительных хозяйственных успехов, в частности в ирригации, очень высокого уровня стратификации и аккумуляции прибавочного продукта элитой, основательного идеологического обоснования привилегий высшего слоя. К моменту открытия их Джеймсом Куком здесь сложилась политическая система, когда сосуществовало несколько крупных вождеств, границы которых определялись отдельными островами. Войны были обычным явлением. Число жителей отдельных вождеств колебалось от 30 до 100 тыс. человек. Вождества делились на районы от 4 до 25 тыс. человек. Таким образом, все условия для образования раннего государства в этих вождествах были: достаточная территория с разделением на районы и большое население, высокая степень социальной стратификации и значительный прибавочный продукт, сильная власть верховного вождя и жесткая иерархия власти, развитая идеология и территориальное деление, а также и другое. Однако государства не было.

Тем не менее некоторые ученые (например, С.Л. Ситон и М.А. ван Бакел [68, 269-287; 69, 329-345]) считают, что на Гавайях раннее государство существовало еще до появления там Кука. Но такие утверждения основаны скорее на предположениях, поскольку нет ни археологических данных, ни письменных источников, которые позволили бы бесспорно решить, были ли эти политии (до открытия островов Куком) уже ранними государствами или высшими вождествами. Таким образом, многое зависит от того, что считать государством. Исходя из данного выше определения государства, мы считаем правильным присоединиться к более распространенному мнению (разделяемому, например, Т.К. Ёрлом, А.У. Джонсоном, М. Харрисом, М.Д. Салинзом, Э. Сервисом и др.), что в тот момент на Гавайях не было государства. С точки зрения нашей теории, аргументировать это можно тем, что главный принцип построения политической организации власти в гавайских вождествах был жестко связан с родственной иерархией, которая основывалась на генеалогической близости к предкам, линиджу верховного вождя и к самому вождю. Линии старших братьев и сыновей считались более высокими. Таким образом, вся политическая и социальная иерархия строилась вокруг родственных отношений, а правящие слои представляли собой эндогамные касты [61, 34-35; 64, 125-154; 69; 63; 98-99].

Согласно нашему определению (см. выше), государство должно представлять не просто отделенную от населения организацию власти, но систему специальных (специализированных) институтов, органов и правил. Гавайские же вождества, хотя и имели отделенную от населения организацию власти, и в этом плане приближались к государству, но эта организация не представляла собой систему *специальных* и тем более *специализированных* институтов, органов и правил. Слово *специальные* предполагает, что эти институты, органы и правила возникали в первую очередь для политического и административного управления, что они имели в рамках всего общества именно такую управленческую направленность. *На Гавайях же, хотя система органов власти и в известной мере управления существовала, но она не была специализированной.* Она существовала как система обеспечения сословно-кастового господства определенных линиджей и кланов вождей разных рангов в целом, где политические, экономические, этические и духовные аспекты являлись неразрывным целым. Причем, на наш и ряда исследователей взгляд, в этом симбиозе идеологический момент был самым важным, дающим прочную легитимность власти высшего сословия (*алии, то есть благородных*) [64, 158]. По этой причине, вероятно, не появился и специальный судебный орган. Даже дружины вождей были инструментом внешней политики

(также как во многих образованиях кочевников), но не эксплуатации общества, как это было, скажем в Древней Руси. Власть вождей и возможность изъятия прибавочного продукта держалась на их идеологической силе и традициях. И в еще меньшей степени, чем институты, специальными государственными можно считать правила в виде различных *табу*, с помощью которых гавайские вожди укрепляли и часто реализовывали свою власть, а наиболее важные *табу* обеспечивали власть высшего сословия *алии* в целом. Еще один важный момент, по которому гавайские политии не подходили под наше определение государства – *недостаточная или просто слабая возможность «изменять отношения и нормы» с помощью политической власти.* Поскольку вековые традиции, обычаи и вера в особые сакральные качества вождей были важнейшей опорой власти в гавайских вождествах, постольку возможности существенно менять (то есть коренным образом, в виде реформ, политических решений и т.п.) традиционные отношения на Гавайях почти отсутствовали. Менялись персональные вожди и границы вождеств, табу накладывались на что-то или снимались, колебались в определенных рамках нормы повинностей. Но все институты и нормы оставались в основном прежними.

Однако к выше сделанному анализу надо добавить одно очень важное пояснение. Дело в том, что наше определение государства в полной мере может относиться только к уже более или менее сложившимся государствам. И естественно, что когда общество только трансформируется в государство, когда государство является еще «зачаточным» (в терминологии Классена и Скальника), специализация его политических и административных органов является весьма слабой. Поэтому в нашем определении раннего государства это требование «ослаблено». В этой связи, думается, более точным будет рассмотреть Гавайи в аспекте их соответствия дефиниции *раннего* государства.

Если обратиться к вышеприведенному определению раннего государства, то гавайские политии не соответствуют пункту «в», согласно которому *раннее государство – это организация власти, построенная (хотя бы в значительной части) не на принципе родства.* А как мы видели выше, именно система родства и генеалогической близости к верховному вождю, а также эндогамная закрытость высшего слоя являлись главными звеньями в организации власти на Гавайях. Словосочетание же в «значительной части» означает, что в ранних государствах существует заметная социальная мобильность при формировании и пополнении слоя администраторов (по крайней мере, среднего слоя управленцев), которая в гавайских вождествах практически отсутствовала. А чем строже ограничения на вхождение в аппарат управления «со стороны», тем труднее по-

литии перейти к собственно государственным методам управления [10, 40-46; 8, 110-111].

Мы сформулировали четыре главных отличия раннего государства от его аналогов: *особые свойства верховной власти; новые принципы управления; нетрадиционные и новые формы регулирования жизни; редистрибуция власти* (то есть перераспределение власти в пользу центра в рамках общества) [10; 8]. Гавайи им в основном не отвечали. Верховная власть там не была способна изменить главные социально-политические и идеологические отношения, принципы управления оставались традиционными — родственными и кастовыми; новые формы регулирования жизни отсутствовали; перераспределение власти было в основном только внешним, то есть в виде борьбы вождей за власть. В рамках же собственно вождества баланс власти оставался прежним.

Это можно представить более подробно и наглядно в сравнении с теми крутыми изменениями, которые произошли в период формирования уже собственно гавайского государства в начале XIX в. Если суммировать, то в целом гавайским политиям мешало стать государством: а) слишком сильное социальное деление по признаку родства, а также старшинства линий внутри одного рода и соответственно слишком большая роль положения индивида в родственной иерархии для занятия какого-либо заметного места в системе управления. С объединением Гавайских островов Камехахой I в конце XVIII— начале XIX вв. и уничтожением или понижением значимости побежденных вождеских родов (в том числе путем конфискации их земель) возможности для включения незнатных или недостаточно знатных людей в правящий слой возросли. В частности, приближенные нового короля получили власть и земли на завоеванных территориях, позже на службу были привлечены иностранцы и даже наделены имениями с даровой рабочей силой; б) слишком сильная роль традиций и соответственно слабая роль новых и нетрадиционных форм и способов регулирования жизни. С образованием же единого государства изменилось очень многое не только в политической, но и в социальной и духовной жизни, в быте высших слоев, даже в придворном церемониале, обычаях и одежде при дворе; в) слабые возможности центра для изменения отношений в обществе, поскольку весь порядок держался на строгой идеологии сакральности и превосходства знатных родов и линий, всякие изменения подрывали не просто идеологию, но и само положение правящей группы. Также и попытки повысить нормы эксплуатации простолюдинов, если верить М. Салинзу, наткнулись на их сопротивление и часто кончались восстаниями [70] (см. прим. 5). Быстрые изменения в течение двух десятилетий после образования раннего гавайского государства в плане реформ (напри-

мер, создания регулярной армии и полиции) и в плане повышения эксплуатации (в частности в заготовках сандалового дерева), а также в отношении изменения религиозных обычаев и порядков [64, 156-158] показывают наглядно, чем отличается раннее государство от аналогов.

В то же время величина и развитость гавайских вождеств и тем более вождества непосредственно на самом о. Гавайи в период до контакта с европейцами дают основания считать их аналогами ранних государств. Для доказательства этого утверждения стоит сделать некоторые сравнения. Население этого самого крупного вождества гавайского архипелага составляло сто тысяч человек, что в **сто** раз превосходило численность населения типичных простых вождеств, подобных тем, какие, например, были на тробриандских островах. По мнению Джонсона и Ёрла, только число вождей на о. Гавайи могло доходить до тысячи человек, то есть равнялось всему количеству жителей одного тробриандского вождества. Такова разница между принципиально догосударственной политией и аналоговой раннему государству! Таким образом, гавайские политии вполне сравнимы с ранними государствами и даже превосходят некоторые из них по размерам, населенности, социокультурной сложности, степени социальной стратификации и централизации власти. Все это доказывает, что гавайские сложные вождества можно считать аналогами малых и средних ранних государств.

Выводы

Можно согласиться с мнением Г. Поссела, что «древние цивилизации, или сложные общества, намного более разнообразны по форме и организации, чем способны отразить типологические схемы традиционной однолинейной эволюции» [71, 291]. Тем не менее, как мы видим, не только древние цивилизации, но и различные другие сложные общества самых разных эпох демонстрируют разнообразие социополитических форм и альтернативные варианты процессу формирования государства.

Фактически переход к государству в разных обществах осуществлялся не с одинакового, а с разных уровней социокультурной и политической сложности; поскольку общество, достигая объемов и сложности, с которых переход к государству в принципе уже возможен, могло продолжать развиваться, но при этом долго (или вовсе) не создавать раннегосударственную политическую форму. Такие подходы позволяют полнее увидеть эволюционные альтернативы в политогенезе раннему государству на любом уровне сложности и развитости раннего государства.

В целом наш вывод заключается в том, что *раннее государство являлось лишь одной из многих форм организации сложных постпервобытных*

обществ, которая стала типичной только в ходе длительного эволюционного отбора. Но, конечно, очень важно не упускать из вида, что именно государство оказалось ведущей политической формой организации обществ. Все же остальные, длительное время альтернативные ему, в конце концов либо преобразовались в государство, либо исчезли, либо превратились в боковые или тупиковые виды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Разуваев Н.В.* Два пути развития права и государства // *Личность. Культура. Общество*. 2005. Т. VII. Вып. 4.
2. *Коротаяев А.В., Крадин Н.Н., Лыниша В.А.* Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // *Альтернативные пути к цивилизации*. М., 2000.
3. *Bondarenko D.M., Grinin L.E., Korotayev A.V.* Alternative Pathways of Social Evolution // *Social Evolution & History*. 2002. Vol. 1. № 1.
4. *Claessen H.J.M.* The Early State: A Structural Approach // *Claessen H.J.M., Skalnik P.* (eds.). *The Early State*. The Hague, 1978.
5. *Bondarenko D.M., Korotayev A.V.* (eds.) *Civilizational Models of Politogenesis*. М., 2000.
6. *Крадин Н.Н., Коротаяев А.В., Бондаренко Д.М., Лыниша В.А.* (ред.) *Альтернативные пути к цивилизации*. М., 2000.
7. *Grinin L.E., Carneiro R.L., Bondarenko D.M., Kradin N.N., Korotayev A.V.* (eds.) *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd, 2004. (Подробнее см.: *Grinin L.E.* *The Early State and Its Analogues: A Comparative Analysis* // *Grinin L.E. et al.* *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd, 2004. P. 88–136).
8. *Grinin L.E.* The Early State and its Analogues // *Social Evolution & History*, 2003. Vol. 3. № 1.
9. *Гринин Л.Е.* Формации и цивилизации // *Философия и общество*. 1997. № 5.
10. *Гринин Л.Е.* Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). *Философия и общество*. 2001–2005 (последняя работа печаталась в ряде номеров журнала «Философия и общество» с 2001 по 2005 г).
11. *Carneiro R.L.* On the Relationship Between Size of Population and Complexity of Social Organization // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1967. Vol. 23.
12. *Feinman G.M.* Scale and Social Organization: Perspectives on the Archaic State // *Feinman G.M., Marcus J.* (eds.) *Archaic States*. Santa Fe, 1998.

13. *Джонсон Г.А.* Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем // *Древние цивилизации Востока*. Ташкент, 1986.
14. *Johnson A.W., Earle T.K.* *The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State*. Stanford, 2000.
15. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса Китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., 1983.
16. *Дьяконов И.М.* Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла // *История Востока*. Т. 1. М., 2000.
17. *Саутхолл Э.* О возникновении государства // *Альтернативные пути к цивилизации*. М., 2000.
18. *Claessen H.J.M.* Was the State Inevitable? // *Social Evolution & History*. 2002. Vol. 1. № 1.
19. *Дьяконов И.М.* История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой формации. Т. 1: Месопотамия. М., 1983.
20. *Гуляев В.И.* Типология древних государств: Месопотамия и Мезоамерика // *Древние цивилизации Востока*. Ташкент, 1986.
21. *Баткин Л.М.* Период городских коммун // *История Италии*. М., 1970.
22. *Бернадская Е.В.* Политический строй итальянских государств. Синьории и принципаты // *История Италии*. М., 1970.
23. *Рутенбург В.И.* Итальянский город. От раннего Средневековья до Возрождения. М., 1987.
24. *Коротаяев А.В.* Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации. М., 1997. См. подробнее об одной из таких храмово-гражданских общин древней Южной Аравии, Райбуне (*Frantsuzoff S.A.* *The Society of Raybyn* // *Alternatives of Social Evolution*. М., 2000. P. 258–265).
25. *Гуревич А.Я.* История и сага. М., 1972.
26. *Ольгейрссон Э.* Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии. М., 1957.
27. *Филатов И.* Исландия // *Советская историческая энциклопедия*. Т. 6. М., 1965.
28. *Хьяульмарссон Й.Р.* История Исландии. М., 2003.
29. *Бессмертный Ю.Л.* Возникновение Франции // *История Франции*. Т. 1. М., 1972.
30. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
31. *Неусыхин А.И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материалах ис-

тории Западной Европы раннего средневековья) // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.

32. Шкунаев С.В. Община и общество западных кельтов. М., 1989.

33. Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение варварских королевств (до середины VI в.). М., 1984.

34. Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.

35. Тиханова М.А. Готы в Причерноморских степях // Очерки истории СССР III–IX вв. М., 1958.

36. Zin'kovskaya I.V. The Hermanarich Kingdom: Between Barbarity and Civilization // Sledzevsky I.V. et al. (eds.). Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Abstracts of the 3rd International Conference. М., 2004.

37. Oosten J. Ideology and the Development of European Kingdoms // Claessen H.J.M., Oosten J. (eds.). Ideology and the Formation of Early States. Leiden, 1996.

38. Schaedel R.P. The Temporal Variants of Proto-state Societies // Kradin N.N. et al. (eds.). Alternative Pathways to Early State. Vladivostok, 1995.

39. Колесницкий Н.Ф. Об этническом и государственном развитии средневековой Германии (VI–XIV вв.) // Средние века. 1963. № 23.

40. Бродель Ф. Что такое Франция? Книга 2. Люди и вещи. Ч. 1. Численность народонаселения и ее колебания на протяжении веков. М., 1995.

41. Филипп Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.

42. Clark G., Piggott S. Prehistoric Societies. Harmondsworth, 1970.

43. Леру Ф. Друзиды. СПб., 2000.

44. Фентон У.Н. Ирокезы в истории // Североамериканские индейцы. М., 1978.

45. Vorobyov D.V. The Iroquois (15th–18th centuries A. D.) // Civilizational Models of Politogenesis. Moscow, 2000.

46. Першиц А.И. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.

47. Marey A.V. The Socio-Political Structure of the Pechenegs // Kradin et al. (eds.). Alternatives of Social Evolution. Vladivostok, 2000.

48. Хазанов А.М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.

49. Неронова В.Д. Этруские города-государства в Италии // История древнего мира. Т. 1: Ранняя древность. М., 1989.

50. Залесский Н.Н. Этруски в Северной Италии. Л., 1959.

51. Агларов М.А. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988.

52. McIntosh S.K. Pathways to Complexity: an African Perspective // McIntosh S.K. (ed.). Beyond Chiefdoms; Pathways to Complexity in Africa. Cambridge, 1999.

53. Crumley C.L. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // Ehrenreich R.M., Crumley C.L., Levy J.E. (eds.). Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. Washington, 1995.

54. Крадин Н.Н. Империя хунну. Владивосток, 2001.

55. Крадин Н.Н. Кочевники в мировом историческом процессе // Философия и общество. 2001. № 2.

56. Хазанов А.М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975.

57. Мелюкова А.И., Смирнов А.П. Киммерийцы, скифы, сарматы // История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1: Первобытнообщинный строй. Древнейшие государства Закавказья и Средней Азии. Древняя Русь. М., 1966.

58. Carneiro R.L. The Chiefdom: Precursor of the State // Jones G.D., Kautz R.R. (eds.). The Transition to Statehood in the New World. Cambridge, 1981.

59. Карнейро Р.Л. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

60. Александренков Э.Г. Индейцы Антильских островов. М., 1976.

61. Earle T.K. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford, 1997.

62. Sahlins M.D. Social Stratification in Polynesia. Seattle-London, 1972/1958.

63. Bellwood P. The Polynesians. Prehistory of an Island People. London, 1987.

64. Service E.R. Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution. N.Y., 1975.

65. Ёрл Т.К. Гавайские острова (800–1824 гг.) // Цивилизационные модели политогенеза. М., 2002.

66. Тумаркин Д.Д. Вторжение колонизаторов в «край вечной весны». М., 1964.

67. Тумаркин Д.Д. Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820–1865.

68. Seaton S.L. The Early State in Hawaii // Claessen H.J.M., Skalnik P. (eds.). Early State. The Hague, 1978.

69. Van Bakel M.A. Ideological Perspectives of the Development of Kingship in the Early States of Hawaii // Claessen H.J.M., Oosten J.G. (eds.). Ideology and the Formation of Early States. Leiden, 1996.

70. Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999.

71. Possehl G.L. Sociocultural Complexity Without the State: The Indus Civilization // Feinman G.M., Marcus J. (eds.). Archaic States. Santa Fe—New Mexico, 1998.

Примечания

1. Действительно, общества и социумы, находящиеся на сравнимых стадиях развития, часто представляют очень разные модели. «Например, достижения эскимосов в технической области значительны, а в области социологической ничтожны, а у австралийских аборигенов наблюдается противоположная картина» (Леви-Стросс К. История и этнология // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. II. Вып. 2 (3). С. 171–172).

2. Следовательно, важно подчеркнуть, что в данной работе везде раннее государство рассматривается не как особый тип общества (социума в целом), а, прежде всего, как особая политическая организация общества (система политических и административных институтов), возникающая, но не всегда, а лишь при определенных условиях в обществе, которое достигло необходимого уровня развития. Есть необходимость также привести наше общее (родовое) определение государства. Государство — это система специальных (специализированных) институтов, органов и правил, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь общества; данная система в то же время есть отделенная от населения организация власти, управления и обеспечения порядка, которая должна обладать следующими характеристиками: а) суверенностью; б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы.

3. Имеются в виду, например, следующие функции: создание политического и идеологического единства и сплоченности в разросшемся обществе (группе близких обществ) для решения общих задач; обеспечение внешней безопасности или условий для экспансии; обеспечение социального порядка и перераспределения прибавочного продукта в условиях социальной стратификации и усложнившихся задач; и др.

4. У горцев развитие часто идет не путем создания крупных территориальных или этнических образований, а по линии более четкого обособления локальных сегментов (типа общин или независимых кланов). Вследствие этого социальная и политическая организация горских народов включает сумму автономных общин, которые являются основными ячейками общества (См.: Маретина С.А. К проблеме универсальности вождеств: о природе вождей у нага (Индия) // Ранние формы полити-

ческой организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 81–82; см. также: Korotayev A.V. Mountains and Democracy: An Introduction // Kradin N.N., Lynsha V.A. (eds.). Alternative Pathways to Early State. Vladivostok, 1995. P. 60–74).

5. Причем такие восстания, как правило, возглавляли недовольные и обиженные вожди. В этом плане перераспределение власти в пользу центра, формирование единого высшего правящего рода и уничтожение вождеской знати, подорвало возможности такой оппозиции. Соответственно, в отличие от верховного вождя гавайский король стал менее зависеть от своих приверженцев.